

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 184 (11656)

Понедельник, 3 июля 1950 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Могучий оплот мира

Растет и ширится движение сторонников мира. Все более решительно и настойчиво народы требуют обуздания зарвавшихся агрессоров, все громче раздается протестующий голос миллионов простых людей, возмущенных авантюристической политикой американско-английских поджигателей войны. Американские правящие круги уже не ограничиваются подготовкой агрессии, а перешли к прямым актам агрессии против Кореи, Японии, Филиппин, Тайваня, Китая и против Гитлеровской Германии.

Присходящая во всех странах кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием о запрещении атомного оружия, установлении строгого международного контроля за исполнением этого решения и об объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит атомное оружие, является величайшей демонстрацией воли народов к борьбе за прочный мир.

С огромным подъемом проходит в нашей стране сбор подписей под Воззванием о запрещении атомного оружия. Под этим Воззванием, выражающим интересы миролюбивых народов, подписываются все граждане страны Советов. Советские люди с исключительным единодушием приветствовали Заявление Верховного Совета СССР о его готовности сотрудничать с законодательными органами других государств в разработке и проведении необходимых мер по осуществлению предложений Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Подписываясь под Стокгольмским Воззванием, советские люди горячо одобряют проводимую Советским правительством антиатомную политику.

Политику мира и сотрудничества между народами Советского государства твердо и последовательно проводило на всех этапах своего существования. Великое дело мира, демократии и социализма наш народ с исключительным героизмом и мужеством отстаивал в суровые годы Отечественной войны.

Десять лет назад, в дни вероломного нападения гитлеровских разбойников на Советский Союз, великий вождь народов товарищ Сталин в своем историческом выступлении по радио 3 июля 1941 года говорил:

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всемирной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стоящим под игом германского фашизма».

Товарищ Сталин вдохновил советский народ на героическую борьбу за независимость и свободу нашей социалистической отчизны, за разгром злейшего врага человечества — германского фашизма. Советские люди, воспитанные партией Ленина — Сталина, проявили невиданные ранее в истории выдержку и стойкость в боях за честь и независимость советской Родины. Волею и мощью советского народа враг был разбит и повержен в прах. Руководимый партией большевиков, великим Сталиным, советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских поглотителей.

В Отечественной войне перед всем миром были продемонстрированы могучая сила советского общественного и государственного строя, его превосходство над капиталистическим строем. Социалистическая индустрия, колхозный труд успешно выдержали испытания войны и показали свою полную жизнеспособность. В ходе войны во всем величии раскрылись могучие движущие силы — морально-политическое единство советского общества, нерушимая дружба народов СССР, животворный советский патриотизм. Советский народ по праву стал себе славу героического народа.

«Наша сила героическая», — указывал товарищ Сталин в речи 3 июля 1941 года. Завоеванный враг должен будет скоро убраться в этом. Вместе с Красной Армией

поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с нападением врагом. Поднимутся миллионы масс нашего народа».

Пророческие слова товарища Сталина полностью сбылись. В войне против фашистских агрессоров советский народ доказал, что дело социализма непобедимо. Великая непреодолимая жизненная сила советского строя особенно ярко проявилась в послевоенный период. Весь советский народ во главе со своей славной коммунистической партией проникнут единым стремлением — поднять мощь и благосостояние своей Родины, построить великое и светлое коммунистическое общество. Об этом красноречиво свидетельствуют трудовые подвиги миллионов советских людей в борьбе за выполнение и превращение послевоенной сталинской пятилетки. В то время как в капиталистических странах все более углубляется экономический кризис, растет массовая безработица, разрушаются производственные силы, в Советском Союзе происходит новый мощный подъем всех отраслей народного хозяйства, из года в год повышается материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся.

В послевоенный период наше Советское государство твердо и неуклонно проводит политику мира и сотрудничества между народами. Вскоре после окончания войны Советское правительство через Организацию Объединенных Наций поставило перед правительствами всех стран вопрос о всеобщем сокращении вооружений и обеспечении прочного и длительного мира. Советский Союз еще в 1946 году внес предложение о запрещении атомного оружия. Но заправщики империалистического лагеря отвергли советские предложения. Вместо разоружения англо-американские империалисты развернули бешеную гонку вооружений; вместо заключения Пакта Мира они начали создавать агрессивные союзы и блоки; вместо укрепления Организации Объединенных Наций, как инструмента мира, они сделали все, чтобы подорвать и разрушить эту организацию.

Миролюбивая политика Советского Союза пользуется горячей поддержкой сотен миллионов простых людей во всем мире. Вместе с Советским Союзом за мир борются государства народной демократии Центральной и Юго-Восточной Европы. В рядах активных борцов за мир стоит великий китайский народ, сбросивший иго гоминдановской реакции и иностранного империализма. Важным фактором в борьбе за мир является создание Германской демократической республики. Впервые в истории создан международный организованный фронт борьбы за мир.

В эти дни, когда в нашей стране проходит сбор подписей под Воззванием о запрещении атомного оружия, весь советский народ с огромным единодушием одобряет и горячо поддерживает антиатомную политику. На многочисленных собраниях советские люди с чувством патристической гордости говорят о том, что наша великая советская Родина является могучим оплотом мира, знаменосцем борьбы за мир во всем мире.

Мы хорошо знаем, что слава мира победит войну. Являя на многочисленном собрании в Ворошиловграде токарь-стахановец тов. Панченко. — Слава мира победит войну, что их возмущает наша могучая социалистическая Родина — Советский Союз. Они победят войну, что борются за мир ведет любимый вождь, учитель и друг трудящихся великий Сталин. Единодушно подписывая Стокгольмское Воззвание, мы, советские люди, выражаем свою преданность делу мира, свою готовность отстаивать мир во всем мире, свою сплоченность вокруг большевистской партии и безависительную преданность великому знамени мира — товарищу Сталину.

Могучий Советский Союз, победоносно строящий коммунизм, стоит во главе растущего и крепнущего лагеря мира, демократии и социализма. Сторонники мира все теснее сплочаются вокруг Советского Союза, усиливают свою активность в борьбе за прочный мир, против поджигателей войны. В этом — залог успехов международного движения борцов за мир, залог непобедимости великого дела мира.

Занятый мирным социальным трудом, советский народ под руководством великой партии большевиков, под водительством великого вождя и учителя товарища Сталина уверенно идет вперед по пути к коммунизму.

СОВЕТСКИЙ НАРОД С ОГРОМНЫМ ВОЗМУЩЕНИЕМ КЛЕИМИТ ПРЯМОЙ АКТ АГРЕССИИ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ КОРЕИ!

Положить конец агрессии против Кореи

Собрание на Московском электроламповом заводе

Секретарь партийного комитета тов. В. Ф. Марсов открывает многолюдное собрание работников завода. Он говорит об агрессивных действиях американских империалистов, вероломно напавших на Корею, о разрушении мирных городов и сел, о гибели мирных жителей.

На трибуну — начальник цеха Варвара Данилова Сыркова. Ее сын сражался против фашистских полчищ Гитлера, муж погиб в бою за Родину.

С чувством случайного возмущения и тревоги слышим мы за событиями, разразившимися в Корею, — говорит тов. Сыркова. — Расположившись американские империалисты начали войну против миролюбивого корейского народа. Нам близки и понятны переживания и страдания корейцев. Мы не забыли еще ужасов бомбежек, пожаров, обстрелов наших городов и деревень, убитых фашистскими варварами мирного населения. Наши симпатии на стороне корейского народа, борющегося за свою свободу и независимость.

Рука прочь от Кореи! — восклицает товарищ Сыркова. — Я обращаюсь к женщинам США, Англии, обращаюсь к жителям всех стран, к представителям всего прогрессивного человечества: протестируйте против провокации американских правящих кругов, требуйте прекращения американской агрессии в Корею!

События в Корею являются грозным сигналом для всего передового человечества. Они требуют от нас еще больше крепить могущество нашей любимой Родины, еще больше поднимать нашу бдительность. Слотимся еще теснее вокруг родного Советского правительства и большевистской партии, вокруг знамени мира — великого Сталина! — заканчивает свою речь тов. Сыркова под бурные аплодисменты собравшихся.

Выступает старшая бравошница цеха специальных ламп Зинаида Лабутина. Ее цех досрочно, 26 мая, выполнил подготовку

новую программу. Она заверяет участников митинга, что все рабочие цеха будут работать еще лучше, чтобы своим самоотверженным трудом укрепить могущество Советского Союза, возглавляющего великий лагерь мира, прогресса и демократии.

Техник Ю. В. Баврин — участник Великой Отечественной войны. Дважды он был ранен на полях сражений. Побывал он и на Западе, и в далекой Мальбурри. Гневным протестом против агрессии американских империалистов в Корею звучит его выступление на собрании.

Решать судьбу Кореи, — говорит он, — дело самого корейского народа. Все миролюбивые народы мира требуют ухода американцев из Кореи. Мы выражаем свой решительный протест против американской агрессии. Мы требуем немедленного отвода американских войск из Кореи.

На собрании выступила также 19-летняя комсомолка монтажница Пина Мичуркина, призывавшая к самоотверженному труду во славу нашей могучей Родины.

Коллектив Электролампового завода в принятой на собрании резолюции единодушно заявил:

— Мы требуем немедленного прекращения войны и вмешательства американских агрессоров в дела Кореи.

Мы призываем всех честных людей всего мира поднять свой голос протеста против американской агрессии в Корею.

С еще большей активностью мы будем бороться за мир и безопасность народов, крепить мощь нашей социалистической Родины — надежного оплота мира во всем мире.

Да здравствует Корея! Да здравствует мир во всем мире! Да здравствует наш могучий Советский Союз!

Да здравствует наш великий вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин!

Под бурные, долго не смолкавшие аплодисменты электроламповцы приняли приветственное письмо великому Сталину.

СЛОВО РАБОТНИКОВ КИНО

На собрании в Московской области Ленинского района выступил с гневной речью артист республиканского артиста Сталинской премии П. П. Калашников.

— Корея! Корея! — говорит он, — горячо любит свою родину и верит в свою победу над врагом. Сегодня его сына и оружием в руках отстаивают свою свободу от американских поработителей. Мы плем наш пламенный привет войнам Народной армии, борющимся за свободу и независимость Кореи.

Мы говорим всем провокаторам войны: руки прочь от Кореи!

Мы, советские люди, верим, что мир победит войну!

В единодушно принятой коллективом студии резолюции говорится:

«Мы присоединяемся к голосу протеста всего прогрессивного человечества против попытки американских империалистов разжечь пожар новой войны и призываем всех трудящихся своим решительным протестом преградить путь новой агрессии».

Голос народа

Полторы тысячи рабочих и работников фабрики «Свобода» пришли на собрание, чтобы выразить свое возмущение и заявить протест против агрессии американских империалистов в Корею.

Открывая собрание, секретарь партийного комитета фабрики тов. М. Васильев говорит о том огромном возмущении и подходе, с каким подписывают советский народ Стокгольмское Воззвание о запрещении атомного оружия.

На митинге выступили также работница тов. А. В. Лебедева, инженер тов. А. И. Голубовский, комсомолка М. Эйзерло и стахановка П. Фомичева.

Общее собрание рабочих, инженерно-технических работников и служащих фабрики «Свобода», — говорится в единодушно принятой резолюции, — протестует против действий американских империалистов, развязавших войну в Корею и создавших угрозу миру во всем мире».

ДАТЬ ОТПОР ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОЙНЫ!

Собрание на заводе «Каучук»

Состоялось собрание многолюдного коллектива завода «Каучук». Рабочие выражали возмущение их чувством гнева против наглого вмешательства американских империалистов во внутренние дела Кореи.

На трибуну поднимается секретарь партийного комитета завода тов. Бобровская. Она с возмущением говорит о том, что англо-американские поджигатели войны, используя предателя корейского народа Ли Сын Мана, совершили нападение на Корею, на народно-демократическую республику.

— Мы, советские люди, — заявила тов. Бобровская, — выражаем свой протест против агрессивных действий американских империалистов в Корею и Китае.

Начальник цеха коллективной стахановской работы тов. И. А. Александров заявил:

— Труман от имени американского империализма бросил наглый вызов силам мира, по силе мира столь велика, что сожмут любого поджигателя войны.

— Наша великая Родина, — говорит бригадир электриков Г. Н. Андришин, — завоевала своей последовательной мировой политикой любовь всех свободолюбивых народов. Мы, советские люди, неизменно стоим за мир. Военное вмешательство англо-американских империалистов во внутренние дела Кореи вызывает законное возмущение советских людей и народов всего мира.

Американские поджигатели войны хотят потопить в крови национально-освободительное движение народов Азии, превратить страны Азии в плацдарм для нападения на Советский Союз. Но мы не боимся угрозы новых претензий на мировое господство. Пусть помнят американские поджигатели войны печальный пример с Гитлером.

В единодушно принятой резолюции коллектива завода «Каучук» требует немедленного прекращения военного вмешательства США во внутренние дела Кореи.

Отстоим мир!

Несколько тысяч рабочих, работников, инженеров, техников и служащих Московского завода малолитражных автомобилей собрались вчера на собрание, чтобы выразить решительный протест против вооруженного вмешательства американских империалистов в дела Кореи.

На трибуну поднялся стахановец завода, участник Великой Отечественной войны, слесарь тов. Д. Лукьянов.

— Мы, советские люди, — сказал тов. Лукьянов, — оквачены негодованием против американских империалистов, предпринявших вооруженное нападение на мирные города и села Кореи, на народно-демократическую республику. Мы заявляем: «Прочь поганые руки американских захватчиков от Кореи!»

Возвращаясь домой, провозгласил комсомолка Пина Гаврилова.

— Заправим Уолл-стрит, — говорит

она, — грубо нарушив суверенитет Кореи, народно-демократической республики. Но зарвавшиеся империалисты не уйдут, сломают волю борцов за мир. Советская молодежь еще теснее сплотит свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина, отстоит все свои силы и энергию в борьбе за мир и счастье народов во всем мире.

На трибуну — инженер тов. Л. М. Зеленов.

— Только вчера, — говорит он, — мы обсуждали Стокгольмское Воззвание Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира и все, как один, поставили под это Воззвание свои подписи. Так же поступает весь наш многомиллионный советский народ. Советский народ клеймит позором зарвавшихся поджигателей войны.

Присутствующие единодушно принимают резолюцию, в которой требуют прекращения американской агрессии в Корею и выражают свое горячее сочувствие героическому народу Кореи, безависительно борющемуся за свою свободу и независимость.

УМНОЖИМ НАШИ СИЛЫ

— Мы решительно осуждаем агрессивное вмешательство американского империализма во внутренние дела корейского народа, требуем немедленного отвода американских войск с территории Кореи. Корейский народ должен сам решить свою судьбу, без вмешательства американских поджигателей войны, — заявила телеграфистка Людмила Галина на собрании работников Центрального телеграфа.

Высокое сознание ответственности за судьбу мира звучало в выступлениях на собрании. Клейма поджигателей войны, инженер А. И. Акиндинов призывал крепить могущество советской державы.

— Отсюда наша, — сказал он, — надежда опора мира. Укреплять ее — значит укреплять лагерь мира, значит бороться за мир. С душой о прекрасной и могучей Ро-

дине советские люди в эти дни, как клатву, дают обещание удвоить и утроить свои трудовые усилия.

Громом аплодисментов поддержали собрание слова помощника начальника смены тов. А. Жарова:

— Знаем мы — в надежных руках. Это знание высоко несет советский народ, руководимый гениальным вождем и учителем, стойким победителем мира, единством интересов народов всех стран — великим Сталиным.

— Мы сильны, — сказала телеграфистка Валентина Филиппова, — и потому мы спокойны. Мы умножим свои усилия в труде и станем еще сильнее. Любые происки атомщиков будут сорваны.

Так думает и так говорит весь советский народ.

Гневный протест

Обширный заводской двор, окаймленный зелеными деревьями, быстро наполнился. Собранные и суровые лица собравшихся. К микрофону подходит секретарь заводской партийной организации тов. А. М. Твердов.

— Товарищи, мы собрались на этот митинг, чтобы заявить наш гневный протест против военных действий, развязанных американскими поджигателями войны в Корею.

Затем выступают инженер-конструктор Е. Ф. Соколов, молодой рабочий А. Н. Макагонов, старший мастер лауреат Сталинской премии А. Н. Гончаров, секретарь леховой парторганизации И. А. Медунов,

начальник цеха С. М. Степенин. Они говорят о разбойничьей политике американских правящих кругов, развязавших войну в Корею.

«Мы, рабочие, инженерно-технические работники и служащие станкозавода имени С. Орджоникидзе, — говорится в принятой на собрании резолюции, — вместе со всем советским народом и народами других стран решительно протестуем против агрессии американских империалистов в Корею. Мы требуем немедленного отвода американских войск и прекращения поставок вооружения марionеточному правительству Ли Сын Мана».

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении вторым орденом Ленина Героя Социалистического Труда Анарова А., звеневского колхоза им. Молотова Араванского района Ошской области

За получение высокого урожая хлопка в 1949 году, дающего право на присвоение звания Героя Социалистического Труда, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1949 года награждать вторым орденом Ленина Героя Социалистического Труда Анарова Ала, звеневского колхоза им. Молотова Араванского района Ошской области, получившего урожай хлопка 88,5 центнера с гектара на поливной площади 6 гектаров.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 1 июля 1950 г.

ОБ ОТКРЫТИИ ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Открытие четвертой сессии Верховного Совета РСФСР состоится 4 июля с. г. в 7 часов вечера в Кремле, в Большом Кремлевском Дворце.

Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия. На снимках: 1. Украинская ССР. На Киевском заводе контрольно-измерительных приборов. Воззвание подписывает токарь-стахановец тов. Д. А. Котлянский. 2. Хабаровск. На Машиностроительном заводе имени Л. М. Кагановича. Воззвание подписывает мастер тов. Г. Е. Фомичев.

Фото Ю. Галича и В. Байдалова (ТАСС).

Научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР

Прения по докладам акад. Быкова и проф. Иванова-Смоленского о развитии идей И. П. Павлова

Речь академика Л. А. ОРБЕЛИ

Организация нынешней сессии является показателем того внимания, которое оказывают руководящие круги нашей страны великому учению И. П. Павлова. Я совершенно уверен, что итогом нашей сессии является дальнейшее укрепление и пропедевтика разработки научного наследия И. П. Павлова.

Во вступительных словах президента Академии наук и вице-президента Академии медицинских наук было указано на необходимость вести критику и самокритику не только в нашей работе, но и в критическую оценку того, что делалось и что делается, определять перспективы, которые открываются перед нами в деле разработки научного наследия И. П. Павлова.

Когда 14 лет тому назад скончался И. П. Павлов и передо мной была поставлена трудная задача — возмещать несколько учреждений, в которых он работал, — я ясно сознавал те трудности, которые передо мной стояли.

В этот трудный момент мне помогло сознание того, что все, что было мною раньше сделано, было непосредственным развитием идей И. П. Павлова. И в своей жизни не сделал ничего, что было бы в какой-либо мере оторвано от его идей. И в то время о тех нескольких работах, которые мне пришлось произвести во время заграничной командировки.

Я должен был явиться хранителем и руководителем разработки научного наследия И. П. Павлова. Вот тут-то и встал передо мной вопрос: как надо понимать научное наследие И. П. Павлова? В этом отношении мнения расходились.

Одни товарищи считали, что научное наследие И. П. Павлова — это только вопросы высшей нервной деятельности. Вопросы высшей нервной деятельности — действительно самое выдающееся, самое замечательное из того, что сделал Иван Петрович, но ограничивать его научное наследие только этими вопросами было бы неправильно. Если открыть любую страницу трудов Павлова, то мы найдем что-нибудь такое, что имеет выдающееся значение и для теоретической науки, и для медицинской практики. И обязанность каждого из нас заключается в том, чтобы высказывать все, что там есть, улавливать, не прозывать все, что там есть, и дать этому возможность развития.

Свою задачу я видел в том, чтобы в основном разрабатывать вопросы высшей нервной деятельности, но вместе с тем следить за тем, чтобы важнейшие идеи И. П. Павлова, касающиеся различных сторон физиологии, не оставались бы в тени и не оказались бы неразработанными и потерявшими для будущего.

Как понимать вопросы высшей нервной деятельности? Я понимаю, что учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности — это есть та экспериментальная психология и психопатология, которую провозгласил он еще в 1903 году и которую он ювел до изучения человека в клинике невропатологии и психиатрии.

Изучение человека в конечном счете составляло основную задачу Ивана Петровича, а условные рефлексы у собак были лишь средством для того, чтобы построить ту основную физиологическую базу, на которой должна была строиться научно обоснованная психология.

Исходя из взгляда Ивана Петровича, что

изучение условных рефлексов есть путь изучения функциональной организации нервной системы, я в Колтушском институте, наряду с изучением условных рефлексов, как таковых, поставил изучение становления рефлекторных актов в онтогенезе, т. е. стал разрабатывать эмбриональную и раннюю постнатальную физиологию рефлекторных актов.

Работы, проведенные в этом направлении Волоховым, Образцовым, Стакаличем, подтвердили полностью мысли, которые вытекали из учения И. П. Павлова. Общими силами нам удалось показать, что все те закономерности, которые установил Иван Петрович на основе изучения выработки и формирования условно-рефлекторных актов в индивидуальной жизни животных, — все эти закономерности имеют место в процессе эмбрионального и раннего постнатального формирования врожденных безусловных рефлекторных актов.

Далее я считал, что сравнительная физиология нервной системы, которой Иван Петрович придавал большое значение, должна тоже найти себе место в наших исследованиях.

В этом отношении начало было заложено самим Иваном Петровичем и рядом его сотрудников еще при жизни его. Мы взяли за основу тех представителей животного царства, которых избрал сам Иван Петрович, и сознательно добавили туда еще некоторых других. При выборе объектов мы руководствовались тем основным положением, которое вытекало из учения Ивана Петровича о том, что в процессе развития животного индивидуально приобретенные условные, временные связи наслаиваются на существующий уже фонд рефлекторных актов и с ним вступают в известные взаимоотношения. Они строятся на базе врожденных рефлексов, они с ними вступают в конфликт, они их перестраивают, и непрерывно в течение всей индивидуальной жизни животного идет эта перестройка.

Мы выбрали грызунов, выбрали обезьян, которыми занимался Иван Петрович, включили птиц, из беспозвоночных включили насекомых и в результате этого имели возможность сопоставлять различные формы врожденного и приобретенного поведения и изучать их взаимодействие, резко отличное у отдельных представителей животного царства, но вытекающее на основе одних и тех же принципов, именно тех принципов, которые разработаны были в учении об условных рефлексах. Это вторая линия работы, которую мы развили полностью.

Часть этой работы производилась и в Физиологическом институте имени Павлова. Далее перед нами встал вопрос о том, как нам надо понимать переход от настоящей физиологии нервной системы, созданной Иваном Петровичем, к подлинно физиологической базе под психологию.

Павлов считал основной, важнейшей задачей — достижение того уровня знаний, когда на физиологической канве, тщательно и хорошо изученной, будет разложено все многообразие субъективного мира человека. Он пошел в психиатрическую и нервную клинику и стал наблюдать больных, и в этом деле основными помощниками его были А. Г. Иванов-Смоленский, Б. П. Бирман и С. П. Давиденков.

Перехожу к вопросу о клиническом значении работ И. П. Павлова для медицины. Конечно, оно огромно. Не только учение

о высшей нервной деятельности, но и учение о пищеварении, о кровообращении, о функциях печени, о трофических функциях нервной системы — это все огромные проблемы, поднятые И. П. Павловым и имеющие огромное практическое значение.

Академик К. М. Быков в своем докладе привел огромный материал о взаимоотношениях между корой и внутренними органами и их значении для клиники.

Чрезвычайно важное значение имеют также работы проф. Красногоборского. В дальнейшем развитии учения Ивана Петровича мы имеем очень широкие перспективы. Это учение, в особенности учение о второй сигнальной системе, которое нами сейчас разрабатывается, имеет огромное значение не только для медицины, но только для психологии, педагогики, но и для теории всех видов искусства, и нам предстоит впереди очень большая, грандиозная задача — найти правильные пути для того, чтобы физиологическую базу, созданную Иваном Петровичем, подвести под теорию трудовых процессов изобразительного искусства, театрального искусства, музыкального искусства и научных исследований.

Эта большая задача стоит перед нами, и мне справедливо делается упрек, — я этот упрек полностью принимаю и сам его себе делаю, — что за изучение второй сигнальной системы мы приняли сравнительно пассивно.

Раньше других включился в это изучение А. Г. Иванов-Смоленский.

Одна из моих погрешностей заключается в том, что, будучи по главе ряда учреждений имени И. П. Павлова и будучи по главе Правления Физиологического общества, я не сумел правильно организовать критический разбор всех наших взглядов и работ.

Мы устраивали целый ряд собраний, совещаний, посвященных Ивану Петровичу, но все время ограничивались только докладами о полученных данных. На каждом из этих собраний, излагая свои данные и программы исследования, я говорил, что только взаимной критикой и взаимной поддержкой всех коллективов учеников Ивана Петровича может достигнуть хороших результатов. Но, к сожалению, я ограничивался только одним этим признанием, и в этом моя большая, жестокая ошибка, за которую меня следует карать, потому что нужно было суметь организовать собрания таким образом, чтобы отдельные взгляды, отдельные высказывания и фактические данные подвергались бы настоящему дискуссионному обсуждению, настоящей критике и самокритике. Вот этого я не сумел сделать так же, как не сумел очертить более точно тот круг исследований, которыми я занимался сам и которые оставал для разработки другим товарищам. Не сумел выдвинуть на первый план в более четкой форме и ту наиболее важную проблему, которая стоит сейчас перед нами, — учение о второй сигнальной системе.

Отстаивая на этом участке работы составлял действительно мою большую серьезную вину как руководителя учреждений имени Павлова, но я надеюсь, что общими усилиями моих товарищей по работе, по указаниям и под руководством партии и лично товарища Сталина, который показывает нам правильные пути развития науки, укажет на наши ошибки, поддержит наши усилия, нам удастся достигнуть лучших и нужных результатов.

Что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Л. А. Орбели признал, что он недооценивал павловское наследие. Эта недооценка совершенно очевидна. Нужно помнить, что павловское дело — это кровное дело нашего советского народа, всей нашей советской науки. Недоценка в этом вопросе — серьезный дефект, который мы должны во что бы то ни стало исправлять.

Л. А. Орбели написал лекции и говорит, что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Л. А. Орбели признал, что он недооценивал павловское наследие. Эта недооценка совершенно очевидна. Нужно помнить, что павловское дело — это кровное дело нашего советского народа, всей нашей советской науки. Недоценка в этом вопросе — серьезный дефект, который мы должны во что бы то ни стало исправлять.

Л. А. Орбели написал лекции и говорит, что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Л. А. Орбели признал, что он недооценивал павловское наследие. Эта недооценка совершенно очевидна. Нужно помнить, что павловское дело — это кровное дело нашего советского народа, всей нашей советской науки. Недоценка в этом вопросе — серьезный дефект, который мы должны во что бы то ни стало исправлять.

симпатической нервной системы веда к тому, что она превратилась в самостоятельную доминирующую над всем регулятор.

Недооценка роли коры больших полушарий как высшего регулирующего центра сказывается не только в абсолютизации роли симпатической нервной системы, но и в другом. Речь идет о том, что регулирующая роль коры больших полушарий в отношении внутренних органов — т. е. как раз то, что должно было подчеркнуть подлинную роль симпатической нервной системы в организме, — была совершенно игнорирована в учении Гиппицкого и Лебедиского.

Уважаемые товарищи! Павловский нервизм есть то оружие, посредством которого мы, физиологи, обязаны вести борьбу против метафизического мышления, присущего естественному капиталистическому обществу, еще не вполне изжитого в нашей физиологии, в нашей медицине.

Борьба против метафизического мышления, присущего естественному капиталистическому обществу, есть часть общей борьбы советского народа и всего прогрессивного человечества против сил реакции.

Но какова цена бою, который допустил, чтобы его оружие притупилось и покрывалось ржавчиной? Что скажет народ о таком бойце? А мы повинны в том, что наше оружие — великое павловское учение — притупилось в наших руках и кое-где его покрывает ржавчина метафизических извращений.

Разве не факт, что в нашей физиологической науке, в том числе и среди учеников Павлова, от которых можно ожидать более заботливого отношения к павловскому учению, созданы самостоятельные школы и школы, которые под видом разработки павловского наследия и с применением внешнего пиетета к своему великому учителю в действительности не заботились должным образом об этой разработке и пользовались своим великим положением в советской физиологии для протаскивания чуждых павловскому духу концепций.

Разве не факт, что эти школы и школы не только не вели достоянную борьбу за дальнейшее развитие павловских идей, но попросту превратили павловское учение в музейный экспонат?

Разве не факт, что они относились терпимо к антипавловской деятельности воинствующего метафизика, академика Беритова, блокировавшегося с американскими и английскими физиологами-идеалистами, такими, как Лидделл и Шеррингтон, и допускали аналогичные извращения даже в собственной среде.

Наконец, разве не факт, что эта терпимость была вызвана не слепотой (антипавловские выходы академика Беритова слишком очевидны, чтобы их не заметить), а стремлением жить по принципу: не тронь меня, и я тебя не трону. Все это — факты.

Наибольшую ответственность среди павловских учеников несет старший ученик Павлова — Л. А. Орбели. Я с очень тяжелым сердцем выступил на выступление.

Акад. Орбели сказал, что он особое внимание уделял развитию павловских взглядов на эволюцию. На этом вопросе я и хочу остановиться подробнее. Павлов, а до него Сеченов рассматривали роль нервной системы в эволюции животного мира с позиций творческого дарвинизма. С их точки зрения нервная система является одновременно и продуктом, и оружием приспособления не только индивидов, но и видов к условиям их существования. Отсюда ясно, что поборники идей Павлова не имеют права стоять в стороне от науч-

Если бы ведущая роль коры больших полушарий была оценена по достоинству, как это и следовало сделать исследователям, претендующим на развитие идей Павлова, тогда не было бы надобности замалчивать эти работы, ибо они-то как раз и доказывают подлинную роль симпатической нервной системы в коре больших полушарий.

Дело в том, что если адаптационное влияние симпатической нервной системы не внушает сомнений как экспериментальный факт, то трофическое влияние ее по сути дела не подтверждено основательно.

В порядке самокритики должен сказать

и о себе. Я должен признать правильными те замечания, которые были сделаны тт. Абрамзонем и Орбелю в мой адрес, как соавтора статьи (совместно с К. М. Быковым), в которой шла речь о третьей сигнальной системе. Это не было нами до конца додумано.

Заканчивая, я хочу сказать, что та дискуссия, которую мы сейчас здесь ведем, должна привести к решительному повороту в области изучения и разработки идей Ивана Петровича Павлова. Этого настоятельно требуют от нас наука, Родина, советский народ. Эти задачи ставит перед нами партия и правительство.

Методологическое несовершенство, — я бы сказал даже незрелость, — проявляется не только в недостаточной и поумелой борьбе за ликвидацию метафизических пережитков в советской физиологии и медицине, но и в односторонней, далекой от марксизма-ленинизма постановке собственной научно-исследовательской работы.

Школа академика Сперанского навратила павловскую исследовательскую методологию, подменив единство диалектического анализа и диалектического синтеза изучаемых явлений принципиальным отказом от анализа.

Ученики академика Сперанского в дискуссии, проходившей на страницах «Медицинского работника», утверждали, что они тоже пользуются методом анализа. Это неверно. Они применяют аналитические методы, чтобы показывать наличие тех явлений, которые изучают, а не для того, чтобы раскрывать природу этих явлений.

Беритова перестройка методологии школы академика Сперанского является срочной задачей, так как научная область, разрабатываемая этой школой, — проблема патологической реорганизации нервной системы в больном организме, — является приложением павловского нервизма в медицине, что составляет большую заслугу академика Сперанского, и имеет существенное значение для развития медицинской теории и практики.

Что касается школы профессора Разенкова, то она односторонне сосредоточила свое внимание на так называемой реактивности органов и тканей по отношению к их нервной и гуморальной регуляции. Так же как и школа академика Сперанского, она фактически отказывается от глубокого анализа изучаемых явлений. Разница между названными школами заключается лишь в том, что одна прикрывает все устанавливаемые ею явления шапкой реактивности, а другая прикрывает их шапкой «нервной системы». И потому не хочу этим поставить знак равенства между революционным по идею, хотя и ошибочным по исследовательскому методу, направлением академика Сперанского и позитивным эмпиризмом проф. Разенкова.

Перед советской физиологией и медициной стоит ответственная задача: преодолеть разобщенность обобщившихся от единого потока советской науки кастовых группировок путем большевистской критики и самокритики и добиться объединения физиологов и клиницистов на прочной базе марксизма-ленинизма.

Советская физиология и медицина, преодолев последние остатки буржуазного мышления, выполнят свою историческую миссию полного овладения организмом здорового и больного человека, предвиденного гением Павлова.

Речь проф. В. С. РУСИНОВА

Институт нейрохирургии Академии медицинских наук СССР

Меня, так же как и других выступавших, удивило выступление Л. А. Орбели. Он не нашел в себе мужества самокритично рассмотреть пройденный им путь.

Я хочу остановиться на взаимоотношении и связи павловской физиологической науки с учением Введенского об основных нервных процессах.

Невозможно не говорить об этом вопросе на нашей сессии, ибо среди современников И. П. Павлова (я не говорю о его непосредственных соратниках) не было более близкого по глубине разработки нервизма и по сходству естественно-научных взглядов другого физиолога, чем Н. Е. Введенский, создавший учение о парабозе, единстве возбуждения и торможения и открывший закономерности их перехода и давший ряд показателей основных процессов нервной деятельности.

Какова должна быть роль проблематики Введенского в дальнейшем развитии физиологической науки?

И. П. Павлов, давая после смерти Введенского, в 1923 г., общую оценку его работ, говорил: «Введенский сделал очень много в нервной физиологии, ему поспотребовалось найти здесь крупные факты...» Иван Петрович имел, прежде всего, в виду те факты и изменения возбуждения, которые назвал Введенский в нерве при развитии парабозы. Эти фазы парабозы воспроизводятся и в коре большого мозга, когда мы сильно напугаем борьбу между раздражаемыми и тормозными процессами. Не сомневаясь, говорит Иван Петрович, что после такого сопоставления работ Введенского бхуфт, наконец, оценены по достоинству.

Об этом говорю, чтобы критически подойти к современному положению работ по проблематике Введенского, как они ведутся в настоящее время в основном учреждениях данного направления — в Физиологическом институте имени Ухтомского.

В мае текущего года состоялась теоретическая конференция института, на которой предстояло рассмотреть основное направление работ по проблематике Введенского и наметить пути дальнейшей работы.

На данной конференции даже не было поставлено вопроса о связях и отношениях учения Введенского с павловской физиологией.

В нашей физиологической науке мы уже встречаемся с попытками последовательного применения Введенского к изучению «аккомодации» применять данный показатель для диагностики того или иного заболевания. Подобные исследования в отрыве от клиники обречены на полную неудачу.

Дальнейший путь развития учения Введенского, как и всей нашей физиологии, лежит в связи с павловской физиологией, в связи с его «полной рефлекторной теорией».

Второй вопрос, на котором я хотел остановиться, — это электрофизиологические работы И. С. Беритова. Они тесно связаны с учением его «Об основных формах нервной и психо-нервной деятельности». В нашей литературе была дана уже критика взглядов И. С. Беритова. Он отвергает идею зависимости поведения организмов от внешних условий, идею о том, что высшая нервная деятельность складывается на основе рефлекторной деятельности. Он отвергает от материалистического направления нашей физиологии. Причем одним из главных аргументов И. С. Беритова является «спонтанная» электрическая активность разных отделов мозга животных, а также коры большого мозга человека, которая, по И. С. Беритову, как будто не подчиняется павловским законам высшей нервной деятельности, противоречит им.

Необходимо сказать, что приоритет в открытии «спонтанной» ритмички электрической активности принадлежит русской физиологии. Первыми исследователями, наблюдавшими ритмические колебания электрических потенциалов в головном мозгу животных, были В. Я. Давыдовский — в 1875 году и И. М. Сеченов — в 1882 году.

Особое значение имеет работа И. М. Сеченова (1882 г.) об электрических явлениях прологического мозга. В ней впервые были показаны колебания потенциалов, нервно-циклические возникающие в центральной нервной системе, и со всей строгостью физиологическое экспериментальное исследование зависимости электрических процессов от функционального состояния мозга и от силы раздражения. Причем открывший эти «спонтанные» электрические колебания в мозгу И. М. Сеченов никак не считал, что они противостоят в какой бы то ни было

степени его рефлекторной теории деятельности головного мозга. Под понятием их «спонтанности» Иван Михайлович предположил определенную причинность, пока нам точно не известно.

Как понять корковую «спонтанную» ритмику с точки зрения рефлекторной теории? Еще И. М. Сеченов в «Рефлексах головного мозга» указывал, что для бодриетного состояния высшего отдела больших полушарий необходима известная минимальная сумма раздражений, идущих в головной мозг при посредстве обычных воспринимающих поверхностей тела животного. Клиника и эксперимент не раз подтверждали впоследствии данное положение Сеченова.

«Получилось полное подтверждение, — указывал И. П. Павлов, — того сеченовского положения, что для бодриетного состояния действительно необходим известный минимальный приток раздражений».

Эти положения Сеченова — Павлова и должны являться основой нашего логичного происхождения «спонтанности» биотоков.

Ссылка И. С. Беритова на наличие «спонтанной» электрической активности в отдельных частях мозга, в частности в холондрокровных, в условиях их полной изоляции, тут ли при чем. Эти факты никак не могут опровергнуть рефлекторную теорию И. П. Павлова, его учение о высшей нервной деятельности. Подобная спонтанная ритмика известна не только в отдельных частях мозга. Ритмику можно вызвать экспериментально и в изолированной скелетной мышце. Разве эти факты опровергают рефлекторную теорию?

Поэтому не факты, установленные современной электрофизиологической методикой исследования электрической активности головного мозга, а мировоззрение И. С. Беритова приводит его к отходу от материалистического понимания работы головного мозга. Не случайно И. С. Беритов, будучи учеником Н. Е. Введенского, еще в молодости отошел от Введенского; не случайно он сейчас говорит об ошибках И. М. Сеченова, И. П. Павлова в их учении о поведении животного и человека. Это есть проявление в физиологии борьбы двух различных направлений — материализма и идеализма.

Речь проф. Л. Н. ФЕДОРОВА

Действительный член Академии медицинских наук СССР

С огромным волнением я шел на сессию, в расчете услышать честное признание собственных ошибок, истинную самокритику со стороны одного из руководителей физиологического фронта — академика Л. А. Орбели. Но его выступление меня совершенно не удовлетворило. Я полностью не согласен с этим выступлением.

Л. А. Орбели свою очень длинную речь начал с того, что он приступает к самокритике. Но все его самокритика свелась к признанию того, что он не обеспечил внимания второй сигнальной системе и не обратился к руководящим товарищам.

Этого я бы ждал? Мы не получали от него ответа на волнующие нас вопросы. Л. А. Орбели, рассказывая историю того, каким образом он пришел к руководству, но совсем точно все изложил. Академик Орбели сказал, что он объединил физиологические учреждения, которыми руководил И. П. Павлов, и учреждения, которыми руководил он сам. И этим акад. Орбели объяс-

няет свой провал несообразности и неподатимости по масштабам совместности. Мы всегда считали, что Л. А. Орбели большой человек, но он забыл, что быть большим человеком в нашей стране — это значит нести большую ответственность.

Проф. Асратян резко поставил здесь вопрос об организационных мероприятиях, которые позволили бы академику Л. А. Орбели правильно работать. Разве мысленно серьезно, ответственно работать, если человек занимает много должностей?

Академик Л. А. Орбели, повидимому, не отдал себе отчета в том, что в этом отношении он нарушает интересы дела, которое ему поручено. Встав на главе научных учреждений, призванных разрабатывать павловские идеи, Л. А. Орбели должен и обязан был целиком сосредоточиться именно на этом. От этого только выиграла бы наука, выиграла бы павловское дело и сам академик Орбели.

Л. А. Орбели написал лекции и говорит,

что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Л. А. Орбели признал, что он недооценивал павловское наследие. Эта недооценка совершенно очевидна. Нужно помнить, что павловское дело — это кровное дело нашего советского народа, всей нашей советской науки. Недоценка в этом вопросе — серьезный дефект, который мы должны во что бы то ни стало исправлять.

Л. А. Орбели написал лекции и говорит, что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Л. А. Орбели признал, что он недооценивал павловское наследие. Эта недооценка совершенно очевидна. Нужно помнить, что павловское дело — это кровное дело нашего советского народа, всей нашей советской науки. Недоценка в этом вопросе — серьезный дефект, который мы должны во что бы то ни стало исправлять.

Л. А. Орбели написал лекции и говорит, что лекция его непогрешима, что он не откажется ни от одного слова. Кто дал ему право считать себя непогрешимым? Откуда такая нескромность? И. П. Павлов говорил и писал о своих ошибках, а Л. А. Орбели своих ошибок не признает, считая, что он непогрешим. Это, как не потеря чувства ответственности перед советской наукой? Л. А. Орбели, говоря о второй сигнальной системе, в какой мере она отражает действительность, дает путаные формулировки в духе «плетановских пероглифов». Каждому мало-мальски марксистски грамотному человеку, присутствующему на сессии, ясно, что эти формулировки ошибочны.

Речь проф. В. Н. ЧЕРНИГОВСКОГО

Институт физиологии центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР, г. Ленинград

И. П. Павлов сумел за свою долгую научную жизнь поднять и поставить перед наукой огромное количество важнейших проблем. И все же следует сказать, что учение о высшей нервной деятельности — это самая величайшая вершина творчества И. П. Павлова.

Величайшая Павловым идея нервизма достигла своего высшего расцвета именно в этом учении. Оно повело к закономерной форме представления идею целостности живого организма, сформулировав положение о единстве внешнего и внутреннего в самом организме. Наконец, оно показало, что кора больших полушарий головного мозга — не только орган условных рефлексов, но и высшая регулирующая инстанция, определяющая все процессы, протекающие в живом целостном организме. Вот эта универсальная регулирующая роль коры больших полушарий, относящаяся как к управлению внутренним хозяйством организма, так и к соотношению его с внешней средой, — одна из важнейших принципиальных черт учения И. П. Павлова.

Однако и до сих пор далеко не всегда роль коры больших полушарий, как высшей регулирующей инстанции, оценена по достоинству и в норме, и в патологии.

Выступавший здесь вчера акад. Л. А. Д.

Научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР

Прения по докладу акад. Быкова и проф. Иванова-Смоленского о развитии идей И. П. Павлова

Речь А. А. ВОЛОХОВА

Доктор биологических наук, Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова

Я должен признать правильную критику, которая была дана в докладах в адрес института. Я категорически не могу согласиться с сегодняшним выступлением Л. А. Орбели, который не нашел возможным фактически признать ошибки в работе института и свои ошибки в руководстве разработкой павловского учения. Я должен прямо сказать, что институт, посещая имя Павлова, не выполнял полностью возложенных на них задач. В работе этих институтов еще нет боевого духа и нужной целеустремленности в разрешении выдвинутых Павловым основных вопросов физиологии и патологии высшей нервной деятельности. Нет необходимости в приближении к медицинскому учению. Эти положения я хочу проиллюстрировать на ряде примеров из деятельности Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности в Колтушах.

Нельзя сказать, чтобы в работе Колтушского института не было достижений. Они безусловно есть.

Но все же в разработке основных разделов павловского учения наш институт не добился существенных успехов. Научные силы института не были сконцентрированы вокруг разрешения таких узловых проблем, как экспериментальная генетика высшей нервной деятельности, изучение физиологических механизмов временных связей, оттогенез условных рефлексов, вторая сигнальная система, экспериментальная патология высшей нервной деятельности и др.

Центральной проблемой нашего института является проблема экспериментальной генетики высшей нервной деятельности. За последние годы разработка данной проблемы в институте шла неудовлетворительно. Лаборатория экспериментальной генетики высшей нервной деятельности института не имеет конкретного рабочего плана исследований на более длительный период. Сотрудники лаборатории большую часть своего времени используют на выполнение тем, не имеющих отношения к экспериментальной генетике высшей нервной деятельности. Работа шла слабыми темпами, без достаточных указаний и контроля со стороны научного руководителя академика Л. А. Орбели.

Недостаточно целеустремленно в институте проводится работа по дальнейшему развитию учения о физиологических механизмах временных связей.

В малой степени проводится исследование по изучению влияния на деятельность

коры воздействий, не связанных с нарушением функциональной целостности организма.

Исследования по второй сигнальной системе проводились только в психиатрической клинике и касались изучения механизмов распада второй сигнальной системы при различных формах психозов.

В то же время специальная лаборатория физиологии и патологии высшей нервной деятельности человека (заведующий проф. Ф. П. Майоров) этими вопросами почти не занималась. Эта лаборатория в своих исследованиях очень мало касалась вопросов второй сигнальной системы, а главное, внимание фиксировалось на разработке двух частных проблем. В общем можно сказать, что вторая сигнальная система еще не стала центральной проблемой в институте, а она по праву должна была бы быть таковой.

В Колтушском институте, как нигде в другом месте, могут быть широко развернуты исследования по изучению оттогенеза условно-рефлекторной деятельности собаки и других животных. Пока в этой области у нас в институте работает один В. А. Трошин.

В институте не находят также надлежащего развития вопросы экспериментальной патологии высшей нервной деятельности. Нельзя не отметить недостаточное удовлетворительное состояние организации и работы павловских клиник. Клиники слабо укреплены научными кадрами, специалистами. Тематика клиник частично распылена по многим проблемам.

За работу павловских клиник несет ответственность не только институт, но и медико-биологическое отделение и президиум Академии медицинских наук СССР. Руководящие органы академии должны были бы больше интересоваться работой клиник, ибо значение их важно для всех медицинских учреждений страны. Однако с их стороны к вопросам организации и направления работы павловских клиник не было проявлено достаточного внимания.

Причинами, порождающими отменные упущения и недостатки в развитии физиологии и патологии высшей нервной деятельности в институте, являются: неправильная расстановка научных кадров, недостаточное внимание к подготовке новых кадров, отсутствие смелой научной критики и обмена мнениями по важнейшим вопросам разработки учения Павлова.

Исключительное значение имеют подготовка и воспитание новых кадров по вопро-

сам высшей нервной деятельности. Однако в институте в послевоенные годы закончили аспирантуру по высшей нервной деятельности всего один человек.

Большое значение имеет повышение квалификации научных кадров по высшей нервной деятельности. В нашем институте многие работники по физиологии высшей нервной деятельности являются молодыми специалистами, имеют малый опыт работы и поэтому нуждаются в контроле и руководящих указаниях опытных и квалифицированных товарищей.

К сожалению, квалифицированное руководство молодыми научными кадрами у нас в должной мере не осуществляется. Научный руководитель института акад. Л. А. Орбели, вынужденный перегруженностью работ, не всегда может уделять достаточное внимание работе всех лабораторий. Заместитель директора института по научной части проф. А. М. Александров также не может оказать помощи директору в обеспечении руководства, так как он, во-первых, не является специалистом в области высшей нервной деятельности, а, во-вторых, занимается в основном административно-хозяйственными делами.

Серьезным препятствием к успешному развитию работы в институте в нужном направлении является отсутствие смелой научной критики и обмена мнениями по вопросам разработки павловского учения.

У нас как-то принято больше говорить об успехах и достижениях и любоваться этими достижениями, а недостатки и теневые стороны замалчиваются и не скрываются. Часто наши руководители и рядовые товарищи не выступают с критикой недостатков, исходя из чувства большого уважения к авторитету руководителя академика Л. А. Орбели. Я думаю, что это ложное представление. Оно не приносит пользы делу, его надо обрывать.

Отсутствие критики и самокритики в нашем институте наглядно подтверждается сегодняшним выступлением Л. А. Орбели, который не сумел в надлежащей форме изложить имеющиеся принципиальные ошибки и недостатки в работе института и не дал развернутой программы и перспектив деятельности института.

Критика, высказанная в адрес нашего института на данной сессии, справедлива. Она, безусловно, принесет большую пользу и работе дальнейшей работе. Я думаю, что коллектив института глубоко продумает все высказанные замечания и примет надлежащие меры к устранению всех ошибок и недостатков.

Этот момент уже говорит о том, что А. Д. Сперанский базируется на рефлекторном принципе, т. е. на основном физиологическом принципе Павлова.

В 1937 г. К. М. Быков констатировал тесную связь взглядов А. Д. Сперанского с физиологией («Архив биологических наук», 1937 г., выпуск 2, стр. 154). Несмотря на, на каком основании он вчера говорил, что учение А. Д. Сперанского оторвано не только от павловской, но и вообще от всякой физиологии.

В чем же заключаются действительные недостатки учения А. Д. Сперанского? Прежде всего в том, что он не раскрыл связи своих взглядов с учением Павлова, умалчивая об этой связи.

Существенный недостаток состоит также в отсутствии экспериментальной аналогии конкретных механизмов рефлекторных реакций, лежащих в основе различных патологических процессов. Недостаточно на модели столбика или трубки показывать опосредованный, т. е. рефлекторный характер действия токсина или микроба. Анализа рефлекторного механизма предполагает не только знание реперторных приборов, воспринимающих раздражение, но и промежуточные, межцентральных путей протекания нервного возбуждения. Мы, сотрудники К. М. Быкова, этим почти не занимались. А между тем, если бы это делали, то могли бы выявить и значение различных уровней центральной нервной системы и пути к оценке значения коры в развитии того или другого патологического процесса. Понятие «нервной сети», не имеющее морфологического смысла, не противоречит вышеизложенному. Оно было введено Введенским и Ухтомским и применено Сперанским лишь для обозначения способности центральной нервной системы диффузно проводить возбудитель.

В работах, особенно в ранних, А. Д. Сперанского и некоторых учеников имеется по крайней мере один важный недостаток, а именно: погрешность формулировок, порождающая недоумения среди врачей. Для коллектива А. Д. Сперанского характерна также слабая связь с физиологией и клинической медициной.

В докладе К. М. Быкова следовало бы определить в мощном большинстве павловского учения роль и значение других выдающихся представителей отечественной физиологии. О Введенском и Ухтомском много было сказано, но конкретное место их не было определено. Громадные заслуги перед оте-

чественной нейрофизиологией имеет В. М. Бехтерев. В своих блестящих работах по выявлению влияния коры головного мозга на внутренние органы К. М. Быков продолжает традиции не только Павлова, но и исследования В. М. Бехтерева, который очень много сделал для того, чтобы раскрыть значение различных полей коры головного мозга для внутренних органов. Об этом К. М. Быков, к сожалению, умалчивает.

Критику совершенно правильно американские психосоматические направления, следовало бы сказать, что К. М. Быков временно тоже отдал дань этому направлению. В частности, полтора года назад он создал конференцию не по кортико-висцеральной патологии, а по психосоматике. Следовало бы говорить и о некоторых серьезных ошибках, которые имеются в книге «Кора головного мозга и внутренние органы».

Два слова относительно выступления П. П. Грешенкова и А. А. Зубкова. Проф. Зубков почему-то умалчал о своих ошибках по гуморальной теории возбуждения. Известно, что он на протяжении ряда лет пытается подвести теорию пароксизма Н. Е. Введенского под общепринятую теорию ангинализма Дойля и американца Нахмаша. Проф. П. П. Грешенков также умалчал о своем ошибочном отношении к павловскому наследию и о пропаганде неидеалистических взглядов Эдипа и Метиса.

Наши советские физиологи, продолжая славные традиции отечественной физиологии и прежде всего великого И. П. Павлова, составляют ряд замечательных школ. Споры между различными школами, принадлежащими одному и тому же генеральному направлению, являются важнейшим стимулом развития науки. Если же школы замыкаются в себе, то это превращается в сектанство, в кастовость. Руководители отдельных школ — Орбели, Сперанский, Быков, Кузлов и другие проявляют тщеславие и вместо всего беспокоятся о собственном имени.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

единые громадные количество болезненных форм патологические процессы, как, например, воспаление, нарушение проницаемости капилляров, расстройства тонуса мышц, возникают и развиваются под непосредственным влиянием нервной системы — по преимуществу ее трофической функции.

Мы глубоко убеждены в том, что, несмотря на блестящие достижения советской хирургии, подтвержденные опытом Великой Отечественной войны и успехами последних лет, дальнейшее развитие нашей дисциплины задерживается главным образом из-за того, что до сих пор нами не было воспринято единое, основанное на нервно-генетическом представлении о механизме возникновения патологического процесса. Это лишает нас возможности создать в хирургической клинике правильную, патогенетически обоснованную систему лечения ряда болезненных форм.

Для нас, советских хирургов, последователей учения Павлова, должно быть ясно, что мы можем и обязаны строить нашу методику лечения с учетом их воздействия именно на нервную систему.

И. П. Павлов впервые показал функционально-восстановительное и лечебное значение сна, как охранительного торможения корковых центров. Одной из предпосылок этих взглядов Павлова явился тот установленный им факт, что чрезмерно сильные раздражения клеток коры оказывают отрицательное влияние на реактивность нервной системы подопытного животного.

Именно с этих установок Павловым позиций нервизма А. В. Вишневский и его сотрудники, разрабатывая проблему обобщения, положили в клинику к созданию новых методов патогенетической терапии, основанных на принципе слабого раздражения периферических нервов, как лечебном факторе.

Единая павловская концепция в пони-

Я, как представитель Физиологического института Академии наук СССР, в своем выступлении хотел бы остановиться на недостатках в работе института — одного из ведущих институтов нашей страны, разрабатывающего великое наследие И. П. Павлова.

В докладах академика Быкова и проф. Иванова-Смоленского правильно поднят вопрос о неудовлетворительной разработке павловского научного наследия. В докладах и в ряде выступлений была подвергнута справедливой критике работа нашего института.

К сожалению, академики Л. А. Орбели, как директор института, не дал той критической оценки своей работы, которой мы вправе были ожидать на данной сессии. Тов. Волохов обрисовал положение в институте эволюционной физиологии в Колтушах. Многие из этого справедливо и по отношению к нашему институту.

Академик Л. А. Орбели и старейшие его ученики А. Г. Гивиевский, А. В. Тонких, Е. М. Кресс не сумели перестроить свою работу и сосредоточить внимание на разработке проблем высшей нервной деятельности.

Оказалось, что вопросы сравнительной физиологии, сравнительной биохимии и физиологии вегетативной нервной системы изучались больше в работах института, чем разработка павловского учения о высшей нервной деятельности.

Развитие научной теории отнюдь не сводится к накоплению массы частных фактов, к детализации тех положений, которые были установлены ее основателем. Развитие научной теории — активный процесс, в ходе которого, как говорил И. П. Павлов, «спредел исследования все ширится, и вместе с тем неутолимо растет научный и жизненный интерес к получаемым результатам».

Метод условных рефлексов является непревзойденным методом изучения тончайших «механизмов» работы коры больших полушарий головного мозга. По условный рефлекс — это не только «показатель», который может быть использован для данной цели. Условный рефлекс — существенный биологический акт животного организма в его отношении к внешней среде. Разработка этой, биологической стороны павловского учения должна занять первостепенное место. Она раскрывает обширные перспективы практического применения павловской теории в области животноводства.

Практическое применение теории Павлова в области животноводства нередко сводили только к дрессировке животных. Но совершенно очевидно, что учение Павлова захватывает несомненно более крупные биологические проблемы. Не случайно, а в результате своих предшествующих работ по физиологии пищеварения Павлов перешел к изучению высшей нервной деятельности животных.

Из работ, посвященных одному из основных законов павловской теории — «закону силы», а также из работ К. М. Быкова и его сотрудников, посвященных влиянию процессов, происходящих внутри животного, на деятельность коры больших полушарий головного мозга, видно, что во внешних свойствах пищевых объектов, детерминиру-

ющих внешнюю деятельность, проявляется их биологическое (пищевое) значение, а внешняя деятельность, избирательно направленная на определенные предметы внешней среды, может служить показателем потребности животного.

Передовые работники животноводства указывают на необходимость самого внимательного отношения к охоте, с которой подается корм, к характеру пищевой деятельности животных, к внешним свойствам пищи, действующим как раздражители. Они указывают, что от умелого разрешения этих вопросов зависит продуктивность кормления. А Иван Петрович Павлов, подчеркивая значение раздражающих свойств пищи, писал: «для пищи мало состоять из питательных веществ», нужно, говорил он, — «сморщить... как принимается данная еда — с удовольствием или без него».

Опыт К. М. Быкова и его сотрудников показывает, что условные раздражители через посредство коры больших полушарий головного мозга существенно влияют на процессы пищеварения и на обмен веществ, происходящий внутри организма. Следовательно, изменяя внешние отношения животного, можно влиять на все последующие этапы питания и повышать питательную, продуктивную ценность корма.

Учение И. П. Павлова позволяет преодолеть безусловные (наследственные, постоенные) реакции животного организма, заменить их новыми, условными (приобретенными, временными) реакциями, которые затем при сохранении одних и тех же условий жизни в ряде последовательных поколений переходят в постоянные. Метод условных рефлексов позволяет подготавливать животных организмам новые условия. Большие полушария головного мозга представляют собой «специальный орган для непрерывного дальнейшего развития животного орга-

низма». Следовательно, учение Павлова, наделяющим образом примененное в практике животноводства, будет служить одним из рычагов, направляющих развитие сельскохозяйственных животных по желательному для нас пути.

Эти стороны павловского учения об условных рефлексах, сближающиеся с проблемами митуринской биологии и с коренными вопросами сельского хозяйства, почти не разрабатываются. В лабораториях, специально занятых изучением условных рефлексов, работа ведется представителями медицинской науки, далекими от зоотехнической практики. А зоотехнические научные учреждения далеки от идей «нервизма», вдохновляющих Сеченова и Павлова.

Учение Павлова — важнейшая гарантия успешного развития научной теории. И когда я ратую за то, чтобы связать павловское учение с практическими вопросами сельского хозяйства, — я имею в виду, что, если мы это сумеем сделать, то это будет означать, что миллионы работников сельского хозяйства практически включаются в наше дело и будут вместе с физиологами двигать павловскую теорию вперед.

Я настоятельно призываю к поставленным мною вопросам внимания физиологических лабораторий, располагающих большими возможностями, чем та маленькая лаборатория, в которой я работаю. Я надеюсь на это потому, что нашим советским физиологам, как и всему советскому народу, свойственно превосходное большевистское чувство юмора. Когда у нас рождается что-либо новое, отстаивая свое право на существование, оно смело может рассчитывать на общественное внимание. И если оно достойно жизни, то оно непременно получит поддержку. В этом проявляется замечательный демократизм советской науки, вдохновляемый гением Иосифа Виссарионовича Сталина!

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

такая и о функциях его отдельных органов и систем при удалении, выключении или подавлении деятельности той или иной пищевой части коры головного мозга.

Таким образом, физиологическая хирургия по И. П. Павлову предполагает для нас бережное отношение к тканям и органам большого, постоянного учета функционального значения того или иного органа, на котором производится наше вмешательство, и, главное, оценку последующего состояния компенсаторных систем организма в результате наших операций.

Наши выдающиеся советские хирурги Бакулев, Савиных, Еланский, Шамов, Левит, Либбер, Егоров и другие блестяще разработали за последние годы хирургию легких, сердца, пищевода, а также центральной и периферической нервной системы. Мы добились в этих разделах хирургии прекрасных клинических результатов. Но вместе с тем нам очень мало известно о состоянии всего человеческого организма после такого рода вмешательства, его реактивности, приспособляемости к тем или иным воздействиям внешней среды и в связи с этим и общий режим, в который должны быть поставлены такие люди.

Справедливость требует отметить, что из всех наших современных крупных физиологов лишь немногие — и в первую очередь К. М. Быков и И. П. Разенков, а из молодых Асратян — правильно и широко подошли к разрешению насущных физиологических проблем в клинической медицине.

Паступило время, когда физиология должна стать такой же основой для развития клинической хирургии, какой являлась и является для нее анатомия. Если хирург-мастера делает анатома, то мыслящий хирург-клиницист может сделать лишь физиолога Павлова.

Павловское учение дорого каждому советскому гражданину. На нас возложена ответственная задача творчески развивать великое наследие И. П. Павлова. Мы не справились с этой задачей.

Нам необходимо коренным образом перестроить свою работу. И прежде всего надо повести жесткую борьбу с кастовостью в науке. Всякие претензии на монополию разработки павловского учения были и будут обречены на неудачу.

Мы должны овладеть теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и творчески применять ее в наших исканиях.

Павловское учение должно быть применено в практике животноводства, будет служить одним из рычагов, направляющих развитие сельскохозяйственных животных по желательному для нас пути.

Эти стороны павловского учения об условных рефлексах, сближающиеся с проблемами митуринской биологии и с коренными вопросами сельского хозяйства, почти не разрабатываются. В лабораториях, специально занятых изучением условных рефлексов, работа ведется представителями медицинской науки, далекими от зоотехнической практики. А зоотехнические научные учреждения далеки от идей «нервизма», вдохновляющих Сеченова и Павлова.

Учение Павлова — важнейшая гарантия успешного развития научной теории. И когда я ратую за то, чтобы связать павловское учение с практическими вопросами сельского хозяйства, — я имею в виду, что, если мы это сумеем сделать, то это будет означать, что миллионы работников сельского хозяйства практически включаются в наше дело и будут вместе с физиологами двигать павловскую теорию вперед.

Я настоятельно призываю к поставленным мною вопросам внимания физиологических лабораторий, располагающих большими возможностями, чем та маленькая лаборатория, в которой я работаю. Я надеюсь на это потому, что нашим советским физиологам, как и всему советскому народу, свойственно превосходное большевистское чувство юмора. Когда у нас рождается что-либо новое, отстаивая свое право на существование, оно смело может рассчитывать на общественное внимание. И если оно достойно жизни, то оно непременно получит поддержку. В этом проявляется замечательный демократизм советской науки, вдохновляемый гением Иосифа Виссарионовича Сталина!

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

Дело в том, что в институте совершенно

отсутствуют исследования в направлении функциональной тренировки нервных процессов, а также изучение влияния функционального состояния коры на возникновение и течение патологических процессов в организме, разрабатывавшиеся М. К. Петровым.

Проблема изучения второй сигнальной системы, проводимая в институте, нацелена на возможность направления валь на формирование нервных процессов путем соответствующей тренировки и воспитания. Тем не менее эта проблема не может развиваться в полном объеме, так как работают в этом направлении только два человека,

Дело в том, что в институте совершенно

Речь М. Г. ДУРМИШЬЯНА

Доктор медицинских наук, Биологическое отделение Академии наук СССР

Пути развития и принципы нашей отечественной павловской физиологии прямо противоположны путям развития и принципам господствующей вишневской патологии. В физиологии исходным было познание о целостности организма и его единстве с окружающей средой, в патологии же — отрицание единства и целостности организма, разделение его на клеточные территории. В физиологии основным механизмом влияния раздражителей среды на организм считается рефлекторный механизм, в патологии же признается непосредственное действие раздражителей на клетки соответствующих органов.

В физиологии эффекты раздражений рассматриваются прежде всего как результат опосредованных через нервную систему воздействий, и рефлекторные эффекты могут появляться вдали от места действия раздражителей. В патологии принято думать, что эффекты раздражений появляются на месте действия раздражителей и как местные процессы, способные лишь потом к пространственной генерализации, т. е. суммации.

В физиологии установлено, что резистентность по отношению к тем или иным раздражителям возникает рефлекторным путем и по закономерностям, раскрытым Павловым и Введенским. В патологии резистентность (иммунитет) по отношению к патогенным раздражителям рассматривается лишь как результат прямого действия антигена на клетку, т. е. опытно-такти следствие не рефлекторного, а лишь непосредственного действия.

Так образовался разрыв между павловской физиологией и современной патологией. Этот разрыв касается в первую очередь принципиальных, идейно-методологических основ этих дисциплин. Основной принцип павловской физиологии, физиологии высших животных, — рефлекторный принцип, так и не завоевавший должного места в патологии, все еще основывающейся на павловском принципе непосредственного действия.

В этих условиях полного разрыва между принципами павловской физиологии и традиционной патологии и возникло в стенах павловских лабораторий учение А. Д. Сперанского.

Сущность учения А. Д. Сперанского заключается в утверждении, что первая система играет решающую роль в возникновении заболеваний, что она является организующей системой выздоровления орга-

низма. Этот момент уже говорит о том, что А. Д. Сперанский базируется на рефлекторном принципе, т. е. на основном физиологическом принципе Павлова.

В 1937 г. К. М. Быков констатировал тесную связь взглядов А. Д. Сперанского с физиологией («Архив биологических наук», 1937 г., выпуск 2, стр. 154). Несмотря на, на каком основании он вчера говорил, что учение А. Д. Сперанского оторвано не только от павловской, но и вообще от всякой физиологии.

В чем же заключаются действительные недостатки учения А. Д. Сперанского? Прежде всего в том, что он не раскрыл связи своих взглядов с учением Павлова, умалчивая об этой связи.

Существенный недостаток состоит также в отсутствии экспериментальной аналогии конкретных механизмов рефлекторных реакций, лежащих в основе различных патологических процессов. Недостаточно на модели столбика или трубки показывать опосредованный, т. е. рефлекторный характер действия токсина или микроба. Анализа рефлекторного механизма предполагает не только знание реперторных приборов, воспринимающих раздражение, но и промежуточные, межцентральных путей протекания нервного возбуждения. Мы, сотрудники К. М. Быкова, этим почти не занимались. А между тем, если бы это делали, то могли бы выявить и значение различных уровней центральной нервной системы и пути к оценке значения коры в развитии того или другого патологического процесса. Понятие «нервной сети», не имеющее морфологического смысла, не противоречит вышеизложенному. Оно было введено Введенским и Ухтомским и применено Сперанским лишь для обозначения способности центральной нервной системы диффузно проводить возбудитель.

В работах, особенно в ранних, А. Д. Сперанского и некоторых учеников имеется по крайней мере один важный недостаток, а именно: погрешность формулировок, порождающая недоумения среди врачей. Для коллектива А. Д. Сперанского характерна также слабая связь с физиологией и клинической медициной.

В докладе К. М. Быкова следовало бы определить в мощном большинстве павловского учения роль и значение других выдающихся представителей отечественной физиологии. О Введенском и Ухтомском много было сказано, но конкретное место их не было определено. Громадные заслуги перед оте-

чественной нейрофизиологией имеет В. М. Бехтерев. В своих блестящих работах по выявлению влияния коры головного мозга на внутренние органы К. М. Быков продолжает традиции не только Павлова, но и исследования В. М. Бехтерева, который очень много сделал для того, чтобы раскрыть значение различных полей коры головного мозга для внутренних органов. Об этом К. М. Быков, к сожалению, умалчивает.

Критику совершенно правильно американские психосоматические направления, следовало бы сказать, что К. М. Быков временно тоже отдал дань этому направлению. В частности, полтора года назад он создал конференцию не по кортико-висцеральной патологии, а по психосоматике. Следовало бы говорить и о некоторых серьезных ошибках, которые имеются в книге «Кора головного мозга и внутренние органы».

Два слова относительно выступления П. П. Грешенкова и А. А. Зубкова. Проф. Зубков почему-то умалчал о своих ошибках по гуморальной теории возбуждения. Известно, что он на протяжении ряда лет пытается подвести теорию пароксизма Н. Е. Введенского под общепринятую теорию ангинализма Дойля и американца Нахмаша. Проф. П. П. Грешенков также умалчал о своем ошибочном отношении к павловскому наследию и о пропаганде неидеалистических взглядов Эдипа и Метиса.

Наши советские физиологи, продолжая славные традиции отечественной физиологии и прежде всего великого И. П. Павлова, составляют ряд замечательных школ. Споры между различными школами, принадлежащими одному и тому же генеральному направлению, являются важнейшим стимулом развития науки. Если же школы замыкаются в себе, то это превращается в сектанство, в кастовость. Руководители отдельных школ — Орбели, Сперанский, Быков, Кузлов и другие проявляют тщеславие и вместо всего беспокоятся о собственном имени.

Пора те ширмы, которые существуют между разными школами, ликвидировать, покончить с кастовостью, сектанством. От этого выиграет наша наука. Необходимо волею развернуть критику и самокритику. Тогда в нашей стране, где интересы передовой науки и социалистического человека неразрывно связаны, павловская физиологическая наука получит безграничный простор для своего развития.

Речь А. А. ВИШНЕВСКОГО

Институт хирургии им. А. В. Вишневского, г. Москва

Хирургия, как наиболее активная по своим лечебным приемам клиническая дисциплина

Научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ акад. БЫКОВА и проф. ИВАНОВА-СМОЛЕНСКОГО
О РАЗВИТИИ ИДЕЙ И. П. ПАВЛОВА

Окончание речи А. Т. ХУДОРОЖЕВОЙ

При недостатке в институте сотрудников многопроблемность заслоняет, отвлекает внимание и силы от изучения основной, центральной проблемы. В этом одна из причин того, что текущая проблема высшей нервной деятельности институтом разрабатывается неудовлетворительно. Междоусобица и непропорциональное распределение кадров.

Отсутствие острой критики и самокритики невидна на лица является причиной допущенных недостатков в работе института.

Я не могу согласиться с несомкнутыми выступлениями Л. А. Орбеля, которые никак не могут помочь нам вскрыть наши недостатки в работе. Характер его выступления не отвечает тем задачам, которые предъявляют нам данная сессия. Нельзя считать также правильным выступление А. Г. Гиниевского, уклонившегося от анализа недостатков в нашей работе по разработке наследия И. П. Павлова, тем более, что он является заместителем директора по научной части.

А. Г. Гиниевский в своем выступлении говорит, что он не мыслит, чтобы какой-нибудь разрозненный физиолог, разрабатываемый в нашем институте, не исходил из павловских установок.

Тем ли это на самом деле? Если мы возьмем разрозненные, разрабатываемые самими А. Г. Гиниевским и

руководимым им коллективом научных сотрудников, то увидим, что его лаборатория на протяжении ряда лет занималась изучением механизма мышечной деятельности, а фактически это сводилось к изучению так называемой рецептивной субстанции.

Это понятие заимствовано у Лангана, различавшего два субстрата, изначально приписываемых мышце: сократительного и восприимчивого. Последний и был обозначен Ланганом «рецептивной субстанцией», характерным признаком которой, согласно автору, являлась избирательная чувствительность к никотину.

Гиниевский не подвергает критике это понятие, ограничившись наделением этой субстанции дополнительными свойствами.

Для какой цели потребовалось А. Г. Гиниевскому извлекать старые метафизические представления о рецептивной субстанции? Ясно, что для аргументации химической теории передачи нервного возбуждения, исходящей из камбрижской школы.

Имеют ли эти работы А. Г. Гиниевского какую-либо связь с учением И. П. Павлова? Конечно, нет, так как в понимании Павла Петровича Павлова мышечная деятельность подчинена кортикальной регуляции, следовательно, возникновение петлической формы сокращения мышц обусловлено развитием двигательной иннервации, связанной с моторной зоной коры, качественно пре-

образующей функциональные свойства мышечной ткани и ее сократительные механизмы.

Предметом эволюционной физиологии в понимании И. П. Павлова является изучение внутреннего содержания процесса развития, а следовательно, изучения борьбы старого и нового, что позволяет уловить и в каждом отдельном процессе отображение общего хода эволюции функций.

Онтогенетический метод лучше всего удовлетворяет этой цели, так как на глазах экспериментатора происходит становление новых функций и появление старых в их борьбе, что в дальнейшем становится определяющим, ведущим.

Между тем большая часть исследований в онтогенезе — исследования Вула, Аршавана, Гиниевского, не раскрывают этого содержания, следовательно, не отражают того, что расширяет онтогенез.

Итоговым данной дискуссии должен быть коренной поворот всех физиологических учреждений в сторону развертывания смелой критики научных работ и борьбы со всеми отклонениями от диалектико-материалистического метода познания явлений.

Нет сомнений, что мы, работники Института физиологии, правильно восприняли критику, направленную в наш адрес, перестроим свою работу на разрешение современных задач, оставленных нам в наследие гением русской физиологической школы И. П. Павловым.

Речь М. В. ЧЕРНОРУЦКОГО

Действительный член Академии медицинских наук СССР

Для И. П. Павлова физиология и медицина были неотделимы. Союз клинической физиологии и физиологии он признавал законным и плодотворным. Но в нашей практической жизни этот союз мало чувствуется.

В этом повинны, несомненно, обе стороны. Проф. Иванова-Смоленский в своем докладе уже отметил, что физиолог, ученик И. П. Павлова, должен признать свою большую вину в том, что он очень мало помогал отечественной общей патофизиологии в освоении учения о высшей нервной деятельности. И со своей стороны добавлю, что еще менее они помогли в этом отечественной клинической медицине.

Повинны в этом и представители клинической медицины, особенно терапевты.

Мы далеко еще не освоились от виртуального плана. Представления, вытекающие из теории клеточной патологии Вирхова, тесно связанные с ними анатомо-доктринаристские мышления все еще играют немалую роль во внутренней медицине. Достаточно отметить, что все наша неврологическая система, все классификация внутренних болезней почти целиком построена на анатомических анатомо-доктринаристских основах. Самый подход к болезни, методика исследования больных, диагностика и терапия заболеваний еще в значительной мере подчиняются требованиям теории клеточной патологии с ее преимущественно анатомическим и морфологическим мышлением в ущерб мышлению синтетическому и функциональному.

Далее, несмотря на большие методологические достижения в области внутренней медицины, несомненно и теперь еще являющаяся недооценка идей целостности организма и

его единства с окружающей средой, недооценка биохимико-павловской идеи нервного, роли и значения нервной системы и особенно коры головного мозга в возникновении, развитии и течении патологических процессов.

Это обстоятельство является огромным минусом в нашей общеправовой квалификации и огромным тормозом для внедрения павловского учения в жизнь. Отсюда — грубый недоучет значения и роли личности больного при возникновении, развитии, течении и исходе болезни человека. Практически еще до недавнего времени на кругах нашей врачебной деятельности почти полностью исключалась сложная и богатая внутренняя психо-эмоциональная и психо-социальная жизнь человека во всех ее сложнейших, тончайших соотношениях с окружающей средой. Можно смело сказать, что без ясных представлений о целостности организма и его единстве со средой, без идеи павловского нервного мы часто были только ремесленниками от медицины, а не настоящими врачами.

Мы вместе с тем справедливость требует указать и на то, что за последние три десятилетия односторонность и методологическая необоснованность клеточной патологии и анатомо-доктринаристского мышления все больше и больше вызывают против себя реакцию и сопротивление. К проявлению такой здоровой реакции нужно прежде всего отнести учение о конституции организма, которое, несмотря на все его несовершенство, по самому своему существу является учением о единстве, о целостности организма и противопоставляет учению о клетке учение о почве, понятие о микроор-

ганизме, как возбудителе болезни, — понятие о макроорганизме, как субъекте болезни. Сюда же нужно отнести возникновение таких представлений и понятий, как «заболевания на нервной почве», функциональные расстройства и неврозы внутренних органов, функциональная диагностика, внутренняя картина болезни и другие.

Настоящая дискуссия, ликвидирующая остатки виртуозности и выходящая на должное возмущение в отечественной медицине великое павловское учение, ярко свидетельствует об огромных сдвигах, происходящих в сознании научных и практических медицинских работников и в развитии медицинской науки в нашей стране вообще.

Решающим условием для успешной, возможно быстрой перестройки нашей работы в этом направлении является прежде всего широкая научная пропаганда павловского учения. В первую очередь необходим переподготовка и переоснащение в духе учения И. П. Павлова профессорско-преподавательского состава медицинских институтов и институтов для усовершенствования врачей.

Мы стоим перед задачей перестройки в новом павловском направлении всей теории и практики отечественной медицины. Необходимо также организационно перестроить все дело медицинского образования в духе павловских установок и требований, в духе того законного и плодотворного союза, как клинической медицины и физиологии, о необходимости и значении которого так часто, так убежденно и так справедливо говорил Иван Петрович Павлов.

Речь И. А. БУЛЫГИНА

Институт физиологии центральной нервной системы Академии медицинских наук СССР, г. Ленинград

Товарищи! Мне бы хотелось остановиться на той части доклада академика К. М. Быкова, которая касается взаимоотношений физиологического учения И. П. Павлова и того «нового направления в патологии», которое возмущается академиком А. Д. Сперанским. По моему мнению, это сделать совершенно необходимо, так как в этом отношении до сих пор имеется много недоразумений, не выясненных до конца вопросов. Эти вопросы были обобщены и доложено в известной мере в выступлении самого А. Д. Сперанского, а особенно в выступлении М. Г. Дурмшпанна, который на словах намеревался вскрыть истинные ошибки академика Сперанского, а на деле еще больше замаскировал их.

Как известно, заслуга А. Д. Сперанского состоит в том, что он с особой силой и последовательностью развивал на протяжении последних 20 лет идею нервного в патологии. Его большим научным коллективом собран колоссальный материал в этом направлении; им сделаны широкие обобщения накопленных экспериментальных данных, на основании которых уже давно и систематически ведется острая борьба со сторонниками реакционной вирховской клеточной патологии.

Однако разбор основных трудов А. Д. Сперанского показывает, что в своих теоретических построениях он исходит не из павловской, а по существу допавловской физиологии. Его общие представления о физиологических и патологических явлениях и о соотношении физиологии и патологии коренным образом расходятся с представлениями Павлова. Там же, где он по существу подтверждает и развивает Павлова, Сперанский старается показать, что он создает нечто совершенно новое, отличное от того, что создал Павлов. При этом во всех его трудах сквозит явная недооценка трудов Павлова и переоценка его собственных достижений, связанных с созданием нового направления в патологии, претендующего на статус «монистической теории медицины».

Практика, в самое последнее время отнесшая Сперанского к физиологическому учению Павлова, заметно изменилась. Он и его ученики усиделись подчеркивать мысль, что «новое направление в патологии» исходит из основных идейно-методологических принципов учения Павлова. Однако до настоящего времени они не дали развернутого анализа своих ошибочных отступлений от Павлова по конкретным и важным вопросам как истории, так и теории развиваемого ими «нового направления в патологии», а ограничивались лишь общим декларативным признанием Павлова.

Говоря о своих ошибках в связи с характеристикой исторического развития идей нервного в патологии, А. Д. Сперанский указал мельком лишь на то, что он

не на то место поставил имя Павлова и изобразил это как случайную ошибку. Но дело, конечно, не в этом, а в том, что А. Д. Сперанский в своих построениях исходит не из Павлова, а из допавловских представлений Самуэля, Клода Бернара и других. Он переоценил роль зарубежных исследователей в развитии идей нервного в патологии и резко преуменьшил значение Павлова, изобразив его не продолжателем идей Сеченова и Боткина (о которых он ни одним словом не упоминал), а учеником и подражателем Льюдига и Гейденхайма. Дело в том, что А. Д. Сперанский не понял и, полагая, сейчас еще не может или не хочет понять все значение физиологического павловского учения для патологии и медицины.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что А. Д. Сперанский и его сотрудники все еще продолжают защищать развиваемое им учение о нервной сети. Это мы видели и на данной сессии. Причем они основываются на том, что это понятие является их главным аргументом против вирховской клеточной теории, как заявил тов. Дурмшпанн. Надо прямо сказать, что это плохое оправдание, потому что их теория целиком опирается на против Павлова, а другим — против павловских представлений о нервной системе. Она прогрессирует по сравнению с вирховским учением и несомненно реакционна в сравнении с учением Павлова.

Однако ошибочность представлений Сперанского не только в этом. Она заключается также и в неправильном его отношении к современной физиологии, неправильной оценке павловского этапа в развитии этой науки, а в связи с этим — в неправильном понимании взаимоотношений физиологии и патологии, в корне отличном от павловского понимания. Это особенно старался замаскировать в своем выступлении тов. Дурмшпанн.

Сейчас же признаю, что с именем Павлова связан новый, высший синтетический этап развития физиологии, пришедший на смену этапу анатомико-метафизическому. Еще в 1901 году в своей статье «Экспериментальная терапия как новый и чрезвычайно плодотворный метод физиологических исследований» Павлов писал, что «пока период аналитической работы мы вступили без всякого сомнения в период синтетический».

А вот как оценивает современную синтетическую павловскую физиологию А. Д. Сперанский. В 1935 г. в своем «Элементарном построении теории медицины» он писал: «Современная физиология изучает ослепленные процессом в доступной обстановке, в искусственно созданных условиях». И далее: «Современная физиология в основном продолжает жить анализом, — медицина во все

времена интересовалась только синтезом» (стр. 268).

Как видите, точка зрения Павлова и всех последователей павловского учения противоположна точке зрения Сперанского и в общей оценке современной физиологии. Давая такую оценку современной физиологии, Сперанский — хотел он этого или не хотел — по существу отрицал новый синтетический павловский этап в развитии физиологии.

Из неправильной оценки современной физиологии следует и неправильное понимание Сперанским ее взаимоотношений с патологией и медициной. В этом отношении его представления явно расходятся с представлениями Павлова.

Павлов подчеркивал единую природу физиологических и патологических явлений, сходство их закономерностей, несмотря на их различия. Он делал упор на черты сходства, единства физиологии и патологии, физиологии и медицины.

А. Д. Сперанский придерживается другой точки зрения. Он подчеркивает особое качество патологических процессов, а также принципиальное отличие патологии от физиологии. По Сперанскому выходит, что первый компонент, его ведущая роль в течение нормальных и патологических процессов не сближает, а отделяет патологию и физиологию.

Исходя из каких-то особых закономерностей патологии и медицины, из особых путей ее развития, А. Д. Сперанский неоднократно указывал, что слишком большое доверие к физиологии может быть опасным для медицины. Более того, он даже заявлял в 1937 году во время дискуссии, что поворот медицины в сторону физиологии является движением не вперед, а назад.

Таковы кратко общие взгляды А. Д. Сперанского на физиологические и патологические процессы, его понимание взаимоотношений физиологии и патологии, его философия.

А. Д. Сперанский подчеркивает, что учение И. П. Павлова является для него лишь фундаментом, идейно-методологическим основанием. Само же здание оно же строит он, Сперанский, в виде «нового направления в патологии» или, что то же, «монистической теории медицины».

Закон об аграрной реформе
Китайской народной республики

ПЕКИН, 1 июля. (ТАСС). Агентство Синхуа передало текст закона об аграрной реформе, утвержденного 28 июня на заседании Центрального народного правительства Китайской народной республики и вступившего в силу с 30 июня с. г.

Закон состоит из шести частей, включающих 41 статью. Первая часть излагает общие принципы; вторая часть касается конфискации и реквизиции земель; третья часть посвящена распределению земель; четвертая часть излагает «Разрешение специальных земельных проблем»; пятая часть касается организации и методов проведения аграрной реформы; шестая часть включает дополнительные постановления.

«Система землеустройства, основанная на феодальной эксплуатации, осуществленной классом помещиков, — гласит статья первая закона, — уничтожается; вводится система крестьянского землеустройства с тем, чтобы создать нормальные условия для сельскохозяйственных производителей и продолжить путь к индустриализации нового Китая».

Во второй части закона указывается, что «земля, тягловый скот, сельскохозяйственный инвентарь и излишки зерна, принадлежащие помещикам, а также принадлежащие им жилища и постройки в деревне подлежат конфискации».

Специальная статья закона устанавливает порядок реквизиции земельных владений в сельских местностях, принадлежащих феодальным владениям, храмам, монастырям, церквям, школам, учреждениям и другим общественным организациям.

Как указывается в статье 4-й, промышленность и торговля останутся в неприкосновенности. Промышленные и торговые предприятия, принадлежащие помещикам, а также земля и другое имущество, используемое помещиками непосредственно для обеспечения деятельности этих предприятий и торговых предприятий, не подлежат конфискации.

Статья 5-я определяет положение военнослужащих революционной армии, семей погибших за дело революции, рабочих, служащих, интеллигенции, мелких торговцев и других лиц, не занимающихся сельским хозяйством и не имеющих достаточного количества рабочей силы. Указывается, что они не будут классифицированы как помещики, если они сдают в аренду небольшие участки земли.

Если количество земли, принадлежащей в среднем на человека в таких семьях, не превышает 200 процентов количества земли, принадлежащего в среднем на душу населения в данной местности, то эти земельные владения останутся в неприкосновенности. Если количество земли превышает эту пропорцию, то излишки земли могут быть реквизированы. Однако предусматривается исключение для лиц, земель которых приобретена на средства, заработанные ее владельцем своим личным трудом, и если они не принадлежат к классу помещиков, и если они не являются членами семьи помещика.

За полное сохранение территориальной целостности и суверенитета Китая

ПЕКИН, 1 июля. (ТАСС). Агентство Синхуа передает, что демократические партии и группы в Китае послали совместную телеграмму председателю Мао Цзе-дуну и Центральному комитету коммунистической партии Китая.

В телеграмме говорится: «1 июля — день создания коммунистической партии Китая. Это — славная знаменательная дата в истории Китая и в истории всего человечества. Сегодня мы шлем вам и коммунистической партии Китая свои искренние и сердечные поздравления. Благодаря вашему руководству и руководству Китайской коммунистической партии Китайская революция в Китае достигла победы. Благодаря вашему руководству и руководству Китайской коммунистической партии китайский народ сумел свергнуть диктаторский и варварский режим гоминдановских реакционеров и установить народную власть. Благодаря вашему руководству и руководству Китайской коммунистической партии китайский народ сумел положить конец вековому господству империалистических агрессоров и дать возможность Китаю стать независимым суверенным государством. Благодаря вашему руководству и руководству Китайской коммунистической партии наш 475-миллионный народ вышел из угнетенного состояния и стал хозяином нового общества и новой страны и добился полной свободы».

После создания Китайской народной республики новый Китай добился за короткий 3-месячный период небывалых в истории успехов. Освободительная война в континентальном Китае в основном закончена. Государство установило систему централизованного руководства финансами и экономикой.

После создания Китайской народной республики новый Китай добился за короткий 3-месячный период небывалых в истории успехов. Освободительная война в континентальном Китае в основном закончена. Государство установило систему централизованного руководства финансами и экономикой.

После создания Китайской народной республики новый Китай добился за короткий 3-месячный период небывалых в истории успехов. Освободительная война в континентальном Китае в основном закончена. Государство установило систему централизованного руководства финансами и экономикой.

После создания Китайской народной республики новый Китай добился за короткий 3-месячный период небывалых в истории успехов. Освободительная война в континентальном Китае в основном закончена. Государство установило систему централизованного руководства финансами и экономикой.

Пять миллионов членов Китайской коммунистической партии

ПЕКИН, 2 июля. (ТАСС). Как сообщает агентство Синхуа, по неполным данным, собранным накануне исполняющейся 1 июля 29-й годовщины создания коммунистической партии Китая, число членов коммунистической партии Китая достигло 5 млн. человек.

В начале антияпонской войны число членов Китайской коммунистической партии составляло 40 тыс. человек.

Рост Китайской коммунистической партии привел к необходимости осуществления широкой программы воспитания членов коммунистической партии. Вплоть до 1 июля были приняты решения об усилении партийной учебы и повышении уровня политической сознательности новых членов партии и об осуществлении решительного и острого руководства при расширении рядов Китайской коммунистической партии.

В числе резолюций, принятых пленумом, была резолюция, призывающая к увеличению

обходимости осуществления широкой программы воспитания членов коммунистической партии. Вплоть до 1 июля были приняты решения об усилении партийной учебы и повышении уровня политической сознательности новых членов партии и об осуществлении решительного и острого руководства при расширении рядов Китайской коммунистической партии.

В числе резолюций, принятых пленумом, была резолюция, призывающая к увеличению

Закон об аграрной реформе
Китайской народной республики

ПЕКИН, 1 июля. (ТАСС). Агентство Синхуа передало текст закона об аграрной реформе, утвержденного 28 июня на заседании Центрального народного правительства Китайской народной республики и вступившего в силу с 30 июня с. г.

Закон состоит из шести частей, включающих 41 статью. Первая часть излагает общие принципы; вторая часть касается конфискации и реквизиции земель; третья часть посвящена распределению земель; четвертая часть излагает «Разрешение специальных земельных проблем»; пятая часть касается организации и методов проведения аграрной реформы; шестая часть включает дополнительные постановления.

«Система землеустройства, основанная на феодальной эксплуатации, осуществленной классом помещиков, — гласит статья первая закона, — уничтожается; вводится система крестьянского землеустройства с тем, чтобы создать нормальные условия для сельскохозяйственных производителей и продолжить путь к индустриализации нового Китая».

Во второй части закона указывается, что «земля, тягловый скот, сельскохозяйственный инвентарь и излишки зерна, принадлежащие помещикам, а также принадлежащие им жилища и постройки в деревне подлежат конфискации».

Специальная статья закона устанавливает порядок реквизиции земельных владений в сельских местностях, принадлежащих феодальным владениям, храмам, монастырям, церквям, школам, учреждениям и другим общественным организациям.

Как указывается в статье 4-й, промышленность и торговля останутся в неприкосновенности. Промышленные и торговые предприятия, принадлежащие помещикам, а также земля и другое имущество, используемое помещиками непосредственно для обеспечения деятельности этих предприятий и торговых предприятий, не подлежат конфискации.

